

Три капли
Крови

Валентина Вендельская

18+

Валентина Вендельская

Три капли крови

<https://litres.ru/74098741>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гвене́йра — принцесса, запертая в башне. Ее дар — исцелять тех, кого пожирает Мрак, окутывающий королевство. Она в безопасности от опасного мира. Пока одна из исцеленных не оказывается шпионкой.

Все, во что Гвене́йра верила, рушится. Ее похищают Защитники Света — те, кто называет ее Спасительницей из древнего пророчества. Они говорят, что ей предназначено найти Героя и уничтожить Королеву Погибель — свою собственную мать.

Что делать, если ты не хочешь быть спасительницей? А Герой совсем не такой, каким его ожидал увидеть мир?

Дитя Света, воспитанное тьмой, иди вперед.

Но помни: все пророчества написаны кровью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Снежинка и Тень	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентина Вендельская

Три капли крови

Пролог

Похоронные колокола бьют трижды.

Королева Лилия медленно опускает шитье на колени и закрывает глаза, желая незнакомой мятежной душе долгожданного покоя.

Глухой звон повторяется еще раз, растворяясь в тишине.

Зима в этом году пришла рано. Снег толстым слоем покрывает все вокруг, белый и ровный словно гербовая бумага, на которой росчерками пера кто-то нарисовал черные и кривые стволы деревьев, как послание самим небесам. Замок то ли огромное чудовище, простирающееся впереди, то ли защитник, обнимающий стенами своих жителей.

Может, и то и другое. Как и все, кто когда-либо оказывался на троне.

Королева Лилия сидит в саду, таком же белом и тихом, будто снег крадет каждый звук — слышен только слабый перешепот ветра среди голых ветвей. Одно тяжелое одеяло скрывает ее фигуру, а второе лежит на плечах, опускаясь до самой земли тяжелой вуалью.

Стражники маячат повсюду, молчаливые и преданные,

больше похожие на тени, чем на живых людей.

Колокола больше не звонят — королева Лилия открывает глаза и снова берет шитье в руки тонкими, чуть дрожащими от холода пальцами. Острая игла в них блестит ярким серебром, рисуя нитями узор.

Не для себя.

Не для короля.

Для того, кого еще нет.

Вышивка — прекрасный сад роз, которые должны расцвести, когда сойдет снег, земля очистится от мороза и наполнится теплом весны. И тогда все станет сначала зеленым, а после — бесконечно алым. Как огромный пожар.

Когда-то именно этот сад приказал сделать для королевы Лилии король Альбин вскоре после свадьбы, в доказательство своих чувств.

Ибо моя любовь так же ярка, как эти розы.

Королева Лилия делает очередной стежок, а потом еще, превращая алую нить в бутон. На их свадьбу тоже принесли розы, так много, что от запаха было тяжело дышать. Задумавшись, она слишком сильно вдавликает иголку в ткань — острый кончик вонзается ей в подушечку безымянного пальца.

— Ой

Она неловко отдергивает палец в сторону, чтобы ничего не попало на драгоценную вышивку: ей не хочется начинать заново, а кровь так тяжело удалить с ткани, не оставляя пя-

тен. В ее памяти еще хранится та далекая детская вышивка, покрытая разводами розового и красного. Матушка сжигала ее вечерами, несмотря на все протесты.

Кап, кап, кап — как удары сердца под клеткой ребер.

Три капли крови падают на снег рядом со скамьей.

Алые.

Яркие.

Как любовь ее короля.

Они странно похожи на маленькие лепестки роз. Королева Лилия смотрит на них, словно замороженная.

Она смотрит — и молчит.

Король Альбин подходит к ней сзади. Шорох его мантии исчезает в глухом звоне брони стражников, следующих за ним следом.

— Ты в порядке, мой цветок?

— Все хорошо, — отвечает королева Лилия, не поднимая глаз от трех капель крови на снегу.

В этом есть нечто большее, чем просто случайность. Она странно уверена, но не знает, как сказать, в какие слова облечь те чувства, вдруг возникшие внутри нее подобно странному летнему сну.

Король Альбин аккуратно и ласково, как неоперенного птенца, ловит ладонь королевы Лилии в свою и прижимает к губам. Она удивленно выдыхает, когда он мягко целует раненый палец, оставляя след от крови на собственной губе.

Рука королевы Лилии слегка дрожит, но она улыбается.

— *Ее кожа будет белее снега. Волосы чернее древесной коры,* — шепчет она, на мгновение замолкает, будто у нее перехватило горло, и продолжает еще тише: — *А губы алеет крови.*

Король Альбин мягко проводит пальцами по ее подбородку, как будто желая то ли поймать каждое слово, то ли не дать ей продолжить.

— Значит, ты думаешь, что родится принцесса? — тихо спрашивает он. — Уверен, она будет так похожа на тебя, мой цветок.

— Нет, — королева Лилия медленно качает головой. — Совсем-совсем не похожа.

Король Альбин вздрагивает и улыбается странной дрожащей улыбкой. Кажется, что королева одновременно смотрит мутным взглядом прямо на него и куда-то далеко-далеко в будущее, в котором по этим тропам уже ступают ноги принцессы.

— Она будет прекраснее всех, — заканчивает она едва слышно. — Она будет ярче всех.

И тоже улыбается.

Король Альбин медленно выдыхает, позволяя этим словам осесть где-то в его сердце и превратиться из простого пожелания нерожденной принцессе в нечто большее.

В пророчество, о котором никто из никогда не просил.

— Все будет хорошо, — обещает он. — Я защищу ее, мой цветок.

На ресницах королевы Лили блещут слезы.

Где-то среди голых ветвей стремительно проносится маленькая тень — ворон взмывает далеко ввысь и уносится прочь.

Три капли крови остаются на снегу.

Снова бьют колокола.

Глава 1. Снежинка и Тень

Чудовища рычат.

Гвенейра бежит.

Она не знает, куда именно, но знает, что нельзя останавливаться. Лишь бежит, едва ли разбирая путь перед собой. Каждый шаг скользит по сыроватой земле, каждый вздох — слишком громкий, слишком быстрый, слишком короткий. За спиной — они. Волки. Или огромные монстры из самых страшных сказок? Неважно. Они хотят ее смерти.

Они хотят ее сожрать.

А ведь она даже не помнит, как оказалась здесь, в глухой чаще, а не в теплом и безопасном замке.

Лес вокруг темнее, чем должен быть ночью, странно чернильный, без листьев, без слабого лунного света. Лишь силуэты, движущиеся между деревьями, и их хрипы — то ли смех, то ли рычание. Воздух давит, как вода на глубине, и она задыхается им.

Как в тот раз, когда она чуть не утонула в озере у замка, будучи еще младше, чем сейчас.

Кожа липкая от холодного пота. Кто бы ни преследовал ее, они приближаются. Она чувствует запах их дыхания — раскаленного железа и чего-то гнилого, будто они не просто вышли из чащи, а вылезли из-под земли, чтобы найти ее.

Впереди — дыра между густых корней. Не могила, нет —

скорее, спасение.

Она прыгает внутрь, не раздумывая, приземляется резко, камни впиваются в уже ободранные колени, разрывают ткань платья. Но она прижимается к стенке укрытия, стараясь стать как можно меньше, совсем-совсем невидимой. Слиться с землей настолько, насколько это возможно.

В руках — только палка. Слегка заостренная, с торчащими сучками и кривая, совсем не похожая на настоящее оружие, какое есть у стражников дворца. Она держит ее перед собой, как хлипкий щит. Как ржавый меч. Как последнюю надежду на спасение.

Какой бы бесполезной на самом деле палка ни была.

Гвене́йра слышит вой. Высокий, жуткий, такой, от которого кожа стягивается, а мысли путаются. Он кажется одновременно близким и далеким, будто исходит откуда-то из самой ее головы, отдается в ее костях.

Гвене́йра закрывает глаза.

Не найдите меня. Пожалуйста, не найдите. Меня здесь нет.

От страха у нее дрожат руки и ноги, колени стучат друг от друга, грозя уронить ее на грязную землю. Страх наполняет рот горечью, легкие — давлением, будто их сжимает огромная невидимая рука. Она даже не плачет, а лишь испуганно икает сквозь стиснутые зубы. Сердце стучит так громко, и она боится, что ее услышат.

Потом — шаги.

Медленные. Тяжелые. Знакомые? Кажется.

Кто-то останавливается рядом.

Гвенейра поднимает палку и из последних сил тычет вверх, в тень, в фигуру, которая наклоняется к ней.

— Уйди! — хрипит она, голос едва выходит из ее горла, дрожит и крошится на куски. — Я могу ударить!

Фигура не двигается.

А потом — голос. Женский. Низкий и уверенный, подобный чему-то крепкому, как скала.

— Ты в безопасности. Это я. Вылезай.

Гвенейра замирает.

Этот голос...

Она знает его. Она помнит его.

Она медленно открывает глаза и поднимает голову, чтобы увидеть знакомое лицо. Черное платье, на котором ни капельки лесной грязи, высокая осанка, холодные глаза, смотрящие на нее чуть мягче, чем обычно.

Королева.

Ее Королева.

Ее мачеха.

Ее мама?

Гвенейра не помнит свою родную маму, умершую в миг ее рождения, только кормилиц и нянечек, постоянно меняющиеся одна за другой. Десятки новых лиц постоянно, потому что ее отец едва ли кому доверял ее безопасности.

А потом появляется ее мачеха.

Точнее, ее отец женился снова.

Гвенейра все еще держит палку дрожащими пальцами, цепляясь в кору ногтями до боли. Теперь она чувствует себя глупо с ней. Как палка поможет против волков? Она с трудом разжимает ладони и бросает бесполезное оружие на землю, а потом протягивает руки.

Королева — мама — берет ее. Легко. Крепко. Без слов.

И вытаскивает ее из ямы, как будто никогда бы не подумала оставить ее там. Как будто знала, что придет именно в этот — самый нужный — момент.

Гвенейра в безопасности. Все закончилось.

А потом она делает то, чего раньше никогда не делала. То, что раньше казалось ей невозможным, по-своему неправильным, потому что у них было всего два года рядом, прежде чем отец умер.

Потому что до этого Королева — мама — казалась такой далекой и странно равнодушной к судьбе Гвенейры.

Она кусает губы и обнимает Королеву маму.

— Мама — пауза, испуганный всхлип. — Пойдем домой.

Королева — мама — отвечает не сразу, только обхватывает ее плечи рукой, прижимает ближе, чем когда-либо прежде, хотя Гвенейра своими грязными ладонями пачкает ей платье.

Но в этом объятии больше тепла, чем во всех каминах мира.

— Не плачь, Снежинка, — мягко говорит Ко мама и гла-

дит Гвенейру по макушке. — Ты была храброй.

Снежинка? Так ее даже отец никогда не называл, но ей нравится. Звучит странно мило и тепло, пусть снег и должен быть холодным. Гвенейра не верит в свою храбрость, потому что храбрые люди не убегают, а сражаются до самого конца, как герои в сказках, но все равно прижимается сильнее в ответ.

Рука мамы на ее макушке, твердая и уверенная, будто так и должно быть. Они рядом, в объятиях, и поэтому никто и ничто не может причинить вреда Гвенейре. Не тогда, когда мама здесь. Внутри странно тепло и спокойно, хотя они все еще посреди странного чернильного леса, пахнущего пеплом.

А потом руки мамы нет.

Гвенейра моргает — мама здесь, рядом.

Гвенейра моргает еще раз — и мамы уже нет, только липкая и холодная пустота касается ее рук и спины.

Она испуганно отступает, ноги скользят по грязной земле, одна ее туфля цепляется за торчащий корень. Вокруг никого нет — ни мамы, ни отца, ни даже стражников из замка, которые пришли бы ее спасти.

Чудовища рычат, сверкая алыми глазами из темноты — они огромные, их дыхание глубокое и странно влажное, с хрипом, кажется, что сам лес дышит вместе с ними. Что сам лес живой, что сам лес стал одним огромным монстром, который хочет ее съесть.

— Мама! — кричит Гвенейра, совсем не заботясь о том, что ее услышит каждый притаившийся в глубине тьмы монстр.

Главное, чтобы ее услышала мама.

Неважно, та мама, что живая, или та, что мертвая.

— Мама, где ты?! — Слезы текут по щекам, дышать становится все тяжелее, словно каждый звук крадет у нее воздух. — Мама не бросай меня

Последние слова больше жалкий хрип, чем крик, перед глазами все расплывается от слез. Чудовища рычат еще громче, Гвенейра отступает еще дальше

Нога высказывает из застрявшей в корнях туфельки

Земля под другой ногой исчезает

Гвенейра падает, кажется, в ту же самую яму, в которой недавно пряталась, но сейчас она больше похожа на распахнутую пасть.

Над головой ровный и равнодушный диск луны.

Спина ударяется о камни и осколки костей.

В яме лежит сверкающий белизной череп с короной — и корона впивается прямо в него, образуя сеть трещин, будто корона растет из костей, как будто это не украшение, а часть черепа.

А внутри трещинки еще тоньше, аккуратней, идущие от висков к затылку, словно кто-то вдавил пальцы в череп изнутри. Из них течет кровь тонкими алыми нитями.

Как из костей может течь кровь?

Гвене́йра через силу отворачивается от черепа и смотрит
наверх, в горящие глаза — в глаза своей смерти.

Чудовища бросаются прямо на нее, в эту яму.

Она кричит.

Она просыпается с сердцем, колотящимся где-то в горле,
подобно попавшей в силки умирающей птице.

Кажется, что ребра давят сильнее самого тугого корсета,
лишая ее воздуха. Нет, она не может дышать, только лежать
на месте, ощущая все и ничего сразу. Липкие и холодные
капли пота медленно стекают по ее лбу и груди, пока не впи-
тываются в волосы и одежду. Ей одновременно и очень жарко,
словно само пламя течет у нее в крови, и пронзительно
холодно, будто она вышла на мороз только в ночнушке.

Ей просто нужно всего один раз вдохнуть — и снова на-
чать дышать.

Вдох и выдох, как ее учила мама.

Как и нужно со всем этим справляться.

Тело неприятно тяжелое, словно ее поместили внутрь ка-
менной статуи, которая выглядит в точности как она са-
ма, но, конечно, совершенно неподвижна. Камень не должен
двигаться, поэтому Гвене́йра даже не может пошевелить хо-
тя бы пальцем, лишь лежать, пытаясь втянуть немного воз-
духа сквозь стиснутые зубы.

Кожа кажется странно натянутой, будто кто-то умудрился
найти ее края и дернуть со всей силы, а потом приколоть

булавками к голове, как это делают с тряпичными куклами.

Если сейчас кожа порвется подобно хлипкой ткани, вывалятся ли вместо кишок и костей на кровать лишь солома и грязная вата?

«Мама» — думает Гвенейра. — «Пожалуйста»

Она сама не уверена, о чем просит — или же просто умоляет.

Что-то темное появляется на краю ее зрения, становясь все больше и больше с каждым мгновением. Чернота выползает из угла ее комнаты, тонкими щупальцами, похожими на растекшиеся пятна от чернил, касаясь каменных стен, заполняя в трещины. Прощупывая себе путь.

Чернота — Тень — приближается к ней.

У Тени нет формы, пока еще нет. В прошлый раз она была больше похожа на огромного волка, а сейчас ближе к человеку, но неприятно искаженному, как очень плохой рисунок углем, на который вылили воду.

Тень касается ее руки.

— Уходи, — хрипит Гвенейра, будто выталкивая каждый звук откуда-то из глубины своего горла.

Слово неприятно царапает, цепляется за зубы и оставляет привкус пепла на языке.

Тень дрожит, клубится чернотой.

— Уходи, — повторяет Гвенейра, надеясь, что ее вообще слышно. — Прочь

Тень усмехается, но звук больше похож на треск стекла

— и исчезает.

Облегчение почти мгновенное.

Пламя в венах гаснет, приятный ветерок из приоткрытого окна касается ее ласковой ладонью. Она снова может двигать руками, кто-то будто вынул, наконец, стягивающие кожу булавки.

И только тогда Гвене́йра делает — может сделать — глубокий вдох.

Воздух царапает пересохшее горло холодом, но теперь она способна дышать, а не пытаться делать дрожащие и хрупкие глотки сквозь зубы.

Тени больше нигде нет. Есть только утренний сумрак, прячущийся в углах спальни, там, куда не достают лучи солнца, прокрадывающиеся из узких высоких окон подобно пугливым кошкам. Самый обычный сумрак, какой там есть всегда.

Бывали дни, еще давно, до ее шестнадцатилетия, когда Гвене́йра приказывала служанкам расставлять свечи повсюду, чтобы не оставалось ни пятнышка темноты — одно лишь оранжевое и желтое свечение, ползущее по стенам.

Мама тогда лишь качала головой, позволяя ей заигрывать с ложным чувством безопасности. Но в один день ей пришлось взять Гвене́йру за руки и отвести ее в самую темную комнату башни. Это был урок, который пришлось выучить трудным путем: можно убежать от монстров, прячущихся в лесу, но никогда нельзя убежать от тех, что проникает в ко-

сти. От того, что может жить в твоём разуме.

Даже если будешь бежать до самого края света, а Гвене́йра не может и башни покинуть. По крайней мере, не сейчас.

Она помнит, как они с мамой сидели в той небольшой комнате вместе, способные лишь почувствовать тепло друг друга, но не видеть лиц. Гвене́йра тогда дрожала подобно осеннему листку, потому что Тень ее пугала — она все еще пугает, если быть честной.

Но тогда? Особенно сильно.

«Свечи не спасут тебя, Снежинка, — сказала ей мама, не отпуская ее рук. — Ты можешь сжечь целый замок, но даже самый большой пожар не прогонит тьму, которая прячется в отражении».

Тогда слова — наставления — показались Гвене́йре невероятно важными, но при этом слишком большими, чтобы уместиться в ее разуме. Одна только мысль о них казалась огромной и неподъемной, будто она пыталась думать обо всем одновременно, но в результате не думала ни о чем. И, конечно, ничего не понимала.

Сейчас она понимает больше: Тень — то, что живет внутри нее.

Неизбежная и справедливая плата для всех, кто прикасается к Мраку — даже для нее, способной от него исцелять.

— Госпожа? — раздаётся мягкий голос с другой стороны двери.

И Гвене́йра в тот же миг словно просыпается во второй раз

за это утро. Она снова там, в своей кровати, вся целиком, и мыслями, и телом. И ей нужно встать, потому что сегодня мама снова возвращается к ней в башню.

Сегодня кому-то вновь понадобится сила, прячущаяся в хрупких ладонях Гвенейры — ее исцеление, умение освободить от удушающей тьмы.

В конце концов, это и правда великий дар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.